

И СНОВА ПЕСНЯ

ансамбль. Фильм снимался мучительно трудно, но стоило ему сопрячься с широкими зрительскими аудиториями, как началось ошеломляющее шествие его по всем экранам страны, а потом и за ее рубежами.

«Аршин мал алан» стал для Бейбутова отправной ступенью на лестнице, ведущей в храм большого искусства, однако, он нашел в себе волю и мужество понять, что как она ни соблазнительна, но это только ступень, а не лестница.

Фильмы — это не замедленный, но устойчивый огонь книги или живописных полотен, они вспыхивают ослепительно, но возвратиться к ним через самый короткий промежуток времени зачастую все равно, что подойти к угасшему костру.

«Аршин мал алан» горел долго, и в таком горении остался его герой, принявший столь обильную дозу любви и восхищения, что у другого должны были бы появиться явные признаки душевной сытости.

Всю последующую жизнь свою он полностью подчинил восхождению по заветной лестнице, со ступени на ступень, все выше и выше, и в этом смысле совершил подвиг, в основе которого не упование на божий дар, а каждодневный, не знающий пощады труд.

Вслед за фильмом, успешным сделать не один и не два круга по стране, он отправился в путешествие по его горячим следам: пел на Дальнем Востоке и на Украине, вдоль Волги, Аму-Дарьи и Куры, в свете хрустальных люстр Колонного зала и в мерцании шахтерских лампочек глубоко под землей в Прокопьевске. Всегда с открытой, располагающей улыбкой, бесконечно щедрый в артистической отдаче, дарящий радость живого общения с ним и сам пренеполненный радости от общения со слушателями.

Число этих слушателей росло в геометрической прогрессии — среди них были горняки, металлурги, строители, рыбаки, хлопкоробы, студенты, ученые, полюбившие не только голос певца, но и его непоказную простоту, искренность, глубину сопереживания с радостями, заботами и тревогами времени. Так, пожиная лавры всеобщей любви и признания, Бейбутов стал выявляться и утверждаться как личность.

Он начинал и заканчивал свои концерты традиционно — ариями Аскера, но репертуар его постоянно обновлялся. В его магнитное поле втягивались песни народов СССР и мира — азербайджанские, русские, украинские, грузинские, армянские. И тут раскрывалась

еще одна грань дарования певца — уникальная память (он никогда не пел со шпаргалкой в руках) и незаурядная способность к языкам, позволяющая ему петь настолько правильно по всему фонетическому строю языка, что узбек принимал его за узбекского певца, а белорус — за белорусского.

С годами все более расширялась орбита его выступлений. Она охватила почти весь лагерь социалистического сотрудничества, страны Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Индии. И везде, куда ни забрасывала его судьба, он исполнял три, две или всего одну, но самые популярные, прошедшие испытание на прочность, песни того народа, перед которым начинал петь.

При всем при этом — надо обратить на это особое внимание — Бейбутов начисто лишен космополитической всеядности: с головы до пят он весь, целиком, остался национальным азербайджанским певцом, и в этой неразрывности с землей, его породившей, он овладел сердцами миллионов слушателей.

Музыкальный от природы азербайджанский народ явил миру до него немало выдающихся певцов, но обстоятельства сложились так, что большая часть их не вышла за пределы родной и сопре-

дельных земель. Одни, находясь в иных социальных условиях, не сумели раскрыть свой внутренний потенциал. Дорога же некоторых оказалась драматичной по их собственной вине — прокатились по небосклону искусства, как гром, и исчезли за горизонтом.

Рашиду Бейбутову удалось то, что не удавалось, пожалуй, никому: из года в год, из десятилетия в десятилетие он настойчиво несет песенное богатство Азербайджана из страны в страну, и не случайно его художественные искания даже по тематическому признаку отличаются тяготением к сегодняшним реалиям: в своеобразном лирическом преломлении он пел и поет об очистительном ветре Октября и сынах революции, сложивших головы во имя ее победы, о поэзии труда, о дружбе и единстве советских людей, их патриотизме и интернационализме, о борьбе за мир.

Как-то в зимний вечер под барабанный стук дождя в окне, подчеркивающий тепло и уют комнаты, в которой мы расположились, Бейбутов достал из ящика письменного стола толстую папку фотографий, запечатлевших его в разных местах земли и в разных ракурсах. Что ж, памятные фото хранятся в каждом доме, а артисты на то и артисты, чтобы чаще других по-

зировать перед фотообъективом. Поразило меня другое: не снимки с Гагариным, Улановой и Ваном Клибернам, с президентами арабских стран, с Неру и Альенде, многими другими лидерами, военачальниками и знаменитостями, а обилие снимков с теми рядовыми трудовыми людьми, руками которых кропотливо, камень за камнем, возводилось здание невиданного нового общества. Вот Бейбутов в обнимку с морскими нефтесборщиками на эстакаде. Вот он сидит у алачуга с чабанами на летних пастбищах в заоблачной выси. Вот среди балок и панелей со строителями завода на Апшероне, с металлургами на мартеновской печи в Сумгаите, с рыбаками, виноградарями. Перебираешь эти фото, и звание народного артиста страны начинает восприниматься не как обозначение высшего почета, а как обозначение сопричастности ко всем народным заботам.

Может быть, поэтому Бейбутов многие годы бессменный народный депутат в высшем органе государственной власти и, может быть, поэтому при всем том, что специально для него композиторами сочинено огромное количество песен, он с завидным постоянством обращается к роднику народной поэзии, издревле знаменитой умножением «строки на строку». И

можно смело утверждать, что в летопись азербайджанской культуры певец уже вошел как неповторимый интерпретатор именно народных песен — безымянных создателей мелодий на слова таких же безымянных поэтов.

Устойчивой народной поэзии Азербайджана посвящены тома исследований, и что-то еще добавить к ним трудно. Разве только утверждение, что она, как правило, при изящной игре слов одновременно уникальна по пластике — читают ее или поют, а перед слушателями неизменно встает художественный образ, конкретности могущий спорить с кинематографическим кадром: «Из окон каменьев град, слезы каплют подряд» или «Я лицу полила, чтобы любимому ноги не заплыть...»

Чувствует Бейбутов эту образность, повторяю, великолепно, а феномен образности, как известно, легко пересекает отдаленнейшие географические границы.

Сейчас Бейбутов в зените сил и исканий — и это, учитывая его годы, не просто красивая фраза, сказанная из вежливости, а серьезная правда: энергии артиста могут позавидовать юноши, а нацеленностью на новые задачи он являет образец того, как надо жить в искусстве.

В основе всякой жизни — движение, а в этом смысле Бейбутов как бы служит марктовской заповеди, гласящей, что есть единственный способ написать хоро-

ший рассказ — сесть и написать его. Пел один, затем с ансамблем, потом организовал и возглавил Театр песни с большой труппой, в котором поет сам и учит молодежь.

— На каких видах транспорта ты ездил? — как-то невзначай спросил я артиста.

— На всех. От подводной лодки до собачьей упряжки, — улынувшись, ответил он. А после паузы, уже без тени улыбки, добавил: — Вот на космическом корабле не пришлось. Как думаешь, уласть?

Я взглянул на него — на задорный блеск его глаз и белизну его зубов, и тоже не в порядке вежливости ответил утвердительно.

Придет срок, надо будет, он сядет и в космический корабль. Мне приходилось быть очевидцем, как он пел, вернее, как он сам любит говорить, работал, преодолевая грани возможного: по четырнадцать часов на киносъемках, передеваясь в опаздывающем автобусе, выбегая на сцену прямо из машины, из театра — на телевидение, а потом на поезд — в другой город.

В Нахичевани, когда торжественно праздновалось пятидесятилетие этой автономной республики, Бейбутов заболел — простуда, температура.

Утром я зашел к нему, полагая, что он лежит и стонет, и правда, застал его в постели, но не лежащим, а сидящим в фуфайке. Он глотал какие-то таблетки

и сосредоточенно вглядывался в пол гостиничного номера, на котором были разложены листы бумаги с крупно написанными фотомастером стихотворными строками — Бейбутов переделывал куплеты применительно к предстоящим событиям.

— Вернуть строку о необходимости открыть консерваторию в Нахичевани? — деловито спросил он.

Было излишним спрашивать, будет ли он петь через несколько часов. Вечером Бейбутов работал. И так работал, что только за кулисами кое-кто успел заметить, что его пошатывает и он массирует горло, чтобы хоть немного убавить боль. Истаети, опасаясь, что операция может изменить неповторимый тембр его голоса, Бейбутов с юности находится в постоянном единоборстве со своим горлом. Парадокс? Да, но в еще большей степени — дополнительное свидетельство его художественного и человеческого подвижничества.

А иначе, чем подвижничеством, его жизнь назвать нельзя... В ту минуту, когда в самолете, будто ласковое журчание «кристально-чистого» ручья, начали литься звуки его песни («но песнь Отчизны всех милей, и звал меня домой упрямо, как голос матери моей, напев старинного мугама»), я глядел на нашу землю с большой высоты и представлял себе образы людей, за советские десятилетия прославивших ее, думал о несравненном певце Рашиде Бейбутове.

БАНУ.